

Козлов Игорь

Мрачный архив. Экспансия

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Игорь Козлов

Мрачный архив. Экспансия

«Автор»

2023

Козлов И. Е.

Мрачный архив. Экспансия / И. Е. Козлов — «Автор», 2023

Истории злоключений Лема, циничного пространственно-временного бродяги, который может оказаться где угодно и когда угодно: от серебряных рудников Японии эпохи Сэнгоку, до космических пространств далекого будущего. Обладая незатейливым юморком, он не упускает возможность иронично обыграть ситуацию, любит глумиться над врагами и подшучивать над друзьями. Вечно гонимый неизвестной силой, он встречает на своем пути множество интересных существ и паранормальных явлений. Каждая глава является отдельной историей запечатленной на перфокартах мрачного архива... Произведение изобилует стилистическим и жанровым смешением от неонура как "Секретные материалы" до фантастики в стиле "Доктора Кто". Сам "Мрачный архив", не что иное, как попытка автора создать лор и мистический пантеон, на основе услышанных историй.

© Козлов И. Е., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Поселок	5
1.	5
2.	8
3.	10
4.	14
5.	17
Ю Ган ко.	21
1.	21
2.	24
3.	28
4.	31
5.	37
Музыка грибов.	39
1.	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Игорь Козлов

Мрачный архив. Экспансия

Поселок

1.

В темной комнате, на панцирной кровати, похрапывал мужчина лет тридцати – сорока. Одет он был в потертые джинсы и вязанный, растянутый, серый свитер. Укрывался бродяга своим коричневым пальто из бизоньей кожи.

Единственное, что его отличало от обычного бездомного пропойцы, это наличие всех зубов, ровной переносицы и отсутствие побоев на лице. Волосы были длинные, пепельные, просаленные и убранные в хвост. Трехдневная щетина. На руках вязаные перчатки без пальцев ...

Это был человек без полноценного имени, ибо помнил он от него только три буквы «Лем», а что это было: инициалы, корень имени или фамилии, может прозвище – никто не знал, в том числе и он.

Он был обычным пропавшим без вести рандонавтом. Как он периодически поправлял ППСников, которые то и дело норовили проверить его документы и задержать на три часа до выяснения личности, а впоследствии навешать на него всяков: « Я не БОМЖ – Я БИЧ»...

...Бич открыл глаза в очередном непонятном месте. Лежа на кровати, он оглядывал комнату. Помещение было заброшенным. В глаза бросались: обсыпавшаяся штукатурка на деревянном полу, обои грязно-зеленого цвета с рисунками синих васильков, покрытые вычурными узорами черной плесени.

Весь пол был завален строительным мусором, обломками застывшего цемента и рваной ветошью. В одном из углов стояло старое кресло на деревянных ножках. Оно светило паралоновыми потрахами из-под порванной оранжевой обшивки. Из него торчали пружины. Рядом валялся инвалид перестройки – трехногий журнальный столик, с облупившейся лакировкой. У стены стоял разбитый шифоньер, с оторванными дверцами.

«Не Рио-де-Жанейро, но судя по антуражу, ремонт уже начали» – подумал он, вставая с кровати.

Бродяга стал искать по карманам сигареты. Никотиновая зависимость туманила его рассудок. Он не мог собраться с мыслями, чтобы сориентироваться на месте и во времени.

Нащупав помятую пачку, он достал ее из кармана. Надпись на ней гласила « Шахтерские – сигареты без фильтра». Вытряхнув одну, Лем с огорчением понял, что у него нет ни спичек, ни зажигалки.

Ничего не оставалось, как идти на поиски.

Сунув сигарету за ухо, бродяга поспешил на выход .

Покосившийся дом стоял на заброшенном участке. Оконные стекла частично разбитые, частично снятые заботливыми соседями, торчали осколками из глазниц деревянных рам, покрытых белой потрескавшейся эмалью.

Земля вокруг барака была завален досками и деревянными ящиками. Под окном дома стояла железная ржавая бочка с замерзшей водой. Вдоль дырявого, высокого забора, произрастали сухие кусты отцветшей малины с опавшими листьями. Все покрывал свежий снег.

«Так, судя по обстановке, мы находимся либо в захолустном поселке, либо в заброшенном садовом товариществе, – думал он. – Осталось выяснить, где мы и когда?»

Лем продолжал ходить по участку в поисках полезного.

Исследовав все комнаты в доме, бродяга залез в старый сарай, стоящий в обнимку с избой. Не найдя ничего нужного, он поспешил покинуть усадьбу, в поисках аборигенов.

«И так, что у нас есть? – продолжал он. – Старый поселок, дома, которые я пока что вижу, заброшены, однако бегающие собаки, еще не одичали. Это значит, к людям они привыкли. Запах угольной гари в воздухе говорит, что центрального отопления здесь нет. Местные топят печи углем. Видимо, его здесь проще достать, нежели дрова. Значит, рядом есть либо угольная шахта, либо разрез. Жителей я пока не встретил, значит, трудоспособные заняты на добычи, в завершении выпуска коротко о погоде: на дворе скорее зима, вот только какого года?»

Прогуливаясь между домов поселка, взгляд Лема упал на первого местного.

Это был старичок небольшого роста, который сидел на лавке перед забором своего дома. Дедушка, мирно и незабвенно, подобно тибетскому монаху, потягивал папироску, томно и многозначительно выдыхая клубы сизого дыма. Он смотрел вдаль уходящей между гор и лесов дороги. Он думал о чем-то непостижимом, понятном только ему.

Лем подошел к старику, который отвлекся и покосился на него.

Старик вальяжно держал папиросу на уровне лица, зажав ее указательным и большим пальцами.

Лем достал из-за уха сигарету и прикурил ее от тлеющей папиросы старика.

Он сел рядом на лавку и незамедлительно начал разговор:

– А что, отец, невесты в вашем городе есть? – браво произнес Лем.

Дед посмотрел на Лема с недоумением, выдохнул тяжелые смолы и ответил:

– Ты, касатик, видимо «роялем» отравился.

– Простите, чем? – с ужасом переспросил Лем.

– Спиртом «Рояль». Сейчас модно от него дохнуть.

– Так, – протянул бродяга. – Приехали. Перестройка, перестройка, интересная игра.

– Чудной ты какой-то, касатик, Ты это, или пить бросай, или уже ехай в районный центр к психиатру, может у тебя уже белая горячка началась. Прошла перестройка. Как видишь, – кивнул старик в сторону разбитых хибар.

Лем стал судорожно курить и что-то бубнить под нос.

Что ты трясешься, аки Найда на помойке? – ворчал дед. – Мож тебе того? Браги вынести? У меня в сенях четверть заначена, на особый случай. А то гляди, шарохнет тебя Кондратий Иваныч. Что мне с тобой потом делать, окаянным? Свиньям что ли скормить?

– Успокойся, дед, не пью я, русо туристо облик морале.

– Ага! – усмехнулся старик. – Не пьет он!

– Забыл кстати представиться, я Лем.

– Эво, имя, какое, Лянь. Ты что брат, китаец?

– А что сильно похож?

– А вы все на одно лицо.

– Кто вы?

– Ну "вы".

– Да я имени своего толком не помню. А ты мне про Китай.

– Царица небесная! – запричитал дед. – И то верно тебе память суррогатами отшибло, давай в сени за брагой схожу пока не поздно?

– Кстати, вы так и не представились, мой юный друг.

– Канарейкин, – ответил дед, протягивая Лему ладонь.

– Канарейкин? – спросил бродяга. – Ветеран?

– Пошто спрашиваешь?

– Информацию собираю.

– Явно, шпиён, – пробормотал старик. – Ты погоду, молодчик, как тебя там – Лянь? Я в сарайчике токмо карабин возьму, да пристрелю тебя к бесам.

– Успокойтесь, товарищ ветеран, – декларировал Лем. – Нынче гласность. Народ имеет право знать. Короче, у меня к тебе дело.

– Кхе!– усмехнулся старик. – Чудак-человек.

– А вот тут без шуток .Дело серьезное, могут быть последствия библейского масштаба. Тебя как звать-то?

– Архипом кличут.

– А по бабушке?

– Ну, Майорович.

– Скажи-ка мне, Архип ну Майорович, шахта или угольный разрез здесь есть?

– Варваровский, – ответил дед.

–Так, – протянул бродяга. – А люди пропадали?

– Хых! А как же! Как пятнистый союз развалил, так вся молодежь и пропала, одни бабки да алкаши, вроде тебя, остались.

– Хорошо.А кроме бабок и «алкашей вроде меня», тут еще кто – то есть? Кто на разрезе пашет?

– Вахтовики и наемники,– ответил Кто еще?

– Из этих может, кто пропал?

– За "этих" не знаю ни чо,А вот сын Матрены соседки – Митька полудурок, в лес по сентябрю за клоповкой пошел, так и не вернулся. На медведя нарвался, чай.

– Интересно, девки пляшут. И часто у вас «медведя» людей дерут?

– Ну, раз в три – четыре года, да задерут.

– А останки находят?

– Вот ты чудак, Лянь,– потешался дед. – Какие там останки от медведя-то?

– Ну, может собаки кинологические в поисковых бригадах?

– Да что ты, какие там кинологи? Так, участковый хреном груши покалачивает, по дворах пошаркает, старух перебаламутит, да восвоеси в райцентр укатит. А там, на доску фотографию повесит, мол, ушел и не вернулся. Да засим и все.

– И много таких без вести пропавших?

– Так почитай вся доска-то увешана, мордами ихними.

– Ты мне, дедуля, вот что скажи. Говорил карабин у тебя есть, правда?

– А тебе на кой?

– На охоту пойдём, на вечерней зорьке.

– Не успел Митька сгинуть, как у нас в селе новый полудурок появился. Какая охота, касатик? Кого ты там сейчас поймаешь, кроме пнимании лёгких?

– Обещаю, дед, дичь будет крупная.

– Можем собрать навеску. На кабана али на косолапного?

– На этот раз секач и косолапый, в сторонке нервно курят.

2.

В утреннем мареве появилась маленькая черная точка. Она постепенно увеличивалась. Вслед за точкой, нарастал ритмичный гул лопастей вертолета.

Лем спросил старика:

– Скажи, ну Майорович, а вертолеты здесь часто летают?

– Неа, – ответил дед. – Тут из-за леса и мезги садиться негде. Разве что на карьере.

– Может поляна какая есть, не знаешь?

– Знаю, – ухмыльнулся дед.

– Ну тогда хватай карабин и веди.

– Ишь ты шустрый какой! Веди его, – возмутился дед, – А мне какая с этого моржа тебя по топям и лугам водить?

– А самому то не интересно, Архип ну Майорович?

– Мели, Емеля.

– Так, ладно, попробуем по-другому. Видел вертолет?

– Ну, вертолет, не змий крылатый и чо?

– А то, батенька, что это крайне интересный экземпляр. Какого-то рожна к вам бравый спецотряд веселых Джи Ай Джо, советского разлива пожаловал.

– Чего ты мне Ваньку втираешь, прохиндей? – сердился дед. – Обычный десантный.

– Что? Прямо совсем не интересно?

Дед pokrивил лицо, встал с лавки и, ворча, зашаркал в сторону своей избы. Лем проследовал за ним.

Зайдя в дом, старик стал копошиться по сеним, роняя какие-то склянки с полок, переключивал разные туески из мешковины. Отрыв в углу карабин дед передал ее Лему.

– У! Нарезной? – спросил Лем.

– Дулом от себя держи, нарезной. Сейчас будем патроны варганить на твоих молодчиков. Ты карабин поставь и дуй в сарай, там у меня станок над верстаком, тащи его сюда, и банку с порохом тащи сюда, там и гильзы. О забыл! И пестоны захвати. Ух мы им покажем, козью рожицу!

Ветеран продолжал что-то искать по углам своего дома, то и дело доставая из закутков разные охотничьи принадлежности: аптечные весы для навески пороха, мелкие гирьки, гильзы, банки с капсулами – воспламенителями, ремень-обойму.

Дед стряхнул со стола в своей комнатке старые газеты и мятые упаковки от валидола на пол. Разложил клеенку, поставил весы, станок, банки, разложил вощеную бумагу.

– Лянь, поди-ка сюда. Садись на кровать и суй пистоны в гильзы на станке, а я пока навески сделаю.

Лем кивнул и принялся за работу.

Процесс шел несколько часов, считая перекуры. К концу работы охотничий патронташ был упакован.

Дед начал экипироваться, повесив патроны на пояс. Рядом он повесил подсумок для стреляных гильз. Открыв верхний ящик стола, он достал старый ночной бинокль.

– Ух, ты! Вот это раритет! Разведывательный?

– А ты от куда знаешь?

– А я все знаю.

– Понятно.

Старик продолжал сборы: обул войлочные сапоги на молнии, именуемые в простонародье «прощай молодость». Надел серую фуфайку и шапку – ушанку. Замотал шею меховой шалью.

- Гвардии сержант разведки Канарейкин укомплектован, и готов нести службу!
- И так боец, объясняю, задачу : собрать все красные кирпичи в поселке и сжечь!
- О, дурак, – протяжно выдохнул Майорович.
- А теперь без шуток, дед, веди меня к поляне ближайшей, возможно там вертолет и сел .

Сможешь провести не заметно?

- На месте разберемся, – фыркнул дед.

3.

Они выдвинулись в сторону леса. Старик шагал достаточно быстро.

Он был небольшого роста, где-то метр пятьдесят – метр шестьдесят, сутулый из-за хондроза. Не смотря на возраст, он был крепким и коренастым .

– Двинем напрямки, через село, авось ни кого не встретим, – сказал разведчик.

– Авось кого встретим?

– Тебя баба твоя из дома за это выгнала?

– Да как бы помнить, Архип? Я же говорю, не помню, была у меня баба, не было. Да и не зачем. Я ведь вольная птица. Одинокий волк. Иду туда, куда ведет сердце.

– Ну, я так и сказал – бомжуеть.

– Ну можно сказать бомжую. Только не между вокзалом и рынком, а между прошлым и будущем. Сам я еще не разобрался.

– Вот заливаает, – смеялся ехидный старикашка. – Был у нас в деревне Виталя такой, мы его "электропиздобол" звали. Так вот он такие вещи плел. Мол, шел он как-то лесом, а там, на поляне девка сидит на пне, голая. Гребешком волосы расчесывает и поет на неизвестном языке. А волосы длинные светлые, аж на солнце лоснятся. Ну Витале моча в башку и ударила, он аж дар речи потерял. Говорит ноги ватные стали. К ней как магнитом потянуло. Только подошел, только рот открыл, а она клыки оскалила, зашипела на него, как прыгнула. В воздухе в золотого соболя обернулась и в чашу улепетнула.

Дед потянулся в карман и достал папиросу, учтиво предложив Лему. Закуривая, он продолжал :

– Вот еще чо было, -продолжил он.– Взял Виталя как-то лодку резиновую, у Кольки Добронравного – покойничка. А лодка новая, блестящая, аки у Барсика сливы.

Дед перевел дух.

– Короче, утопил он ее, аль пропил неизвестно. Приходит в поселок, весь мокрющий насквозь, сапога одного нет, одёжа вся в тине, и говорит Коле: «Сейчас такое было! Плыву я по озерку нашему, сетку расставляю, а в воде что-то черное и длинное мелькнуло!!!» Колька смеется: «ни как ты Виталька, Лохнесское чудо увидал». Тот: «да ты, дослушай». И понесло его: «ну, думаю надо к берегу грести, и только на весла встал, как из-под лодки выпрыгнула тварь: метров пять, а то и все десять. Морда длинная, зубы острые, глаза желтые, вместо чешуи иголки как у ежа. Выбил он меня из лодки, а сам ее схватил, прожевал, да на дно уволок. Еле спасся».

Лем сделал заинтересованный вид. История показалась ему знакомой, да и существа тоже .

– А скажи, дед, где сам этот Виталя?

– Так сгинул в лесах наших. Чай зим пять уже как нет.

– Еще такие случаи были? – интересовался бродяга. – Может скот у вас пропадал?

– Конечно, пропадал,– ответил старик.– Так в лесополосе живем, тут живности знаешь сколько дикой и голодной: то косолапый корову раздерет, то лиса или куница курятник разорит. Что тут скажешь, не берегут хозяева скотину свою.

– А у тебя скотина есть, ну Майорыч?

– А как же, два борова, и курей тьма.

– Не пропадали?

– А куда они денутся, у меня капканы за сараем.

– А никто в капканы не попадался?

– Никто. Зверье же оно не дурное, оно чует, где западня, где нет. Вот ко мне и не суются.

– А кто-нибудь в поселке может еще, что видел?

– Эт что например?

– Ну инопланетян или чупакабру?

– Ага видели, – сказал старик. – Бабка Таисия, помню, по зиме из лесу бежит, визжит как поросё недорезанная, причитает, охает, креститься: мол в лесу валежник собирала и йети увидала.

– Прямо вот йети?

– Прямо вот, йети, – ответил Архип. – Ну мужики за ружьями и к лесу. Нашли там пьяного замначальника разреза. Из одежды на нем дубленка на изнанку и шапка меховая медвежья, сам рычит как зверь, лыко не вяжет. Оказывается: в бане с мужиками напарился, градусу внутрь принял, вышел до-ветру, и заблудился. Вот тебе и йети, мать его ети.

– А сколько человек живет у вас в поселке?

– Было полтысячи, – ответил дед. – А сейчас даже не знаю. Инфраструктура у нас тут так: почта, сельмаг. А вот школу и сад детский закрыли, потому что молодежи уже нет. Вся по заработкам разъехалась.

– А что местные мужики на угольном прииске не работают?

– Не, – ответил дед. – Начальству выгоднее вахтовиков гонять сюда. Местных не брали, вот они и разъехались кто куда.

– А фермеры здесь есть?

– Крупных нет, – продолжил старик. – Здесь полей на засев да пастбища нет. Лес кругом.

– А лесозаготовка?

– А на кой? Тут одни лиственницы и пихты молодые, толку то с них? Не высокие да тонкие, только выросли, считай. Пожар тут лесной был. Лет семь тому назад. Пылало так, что ночью светло как днем было. Гектары леса пламя пожрало. Районным властям пришлось озеленителей сюда завозить. Нас тогда почитай на все лето эвакуировали.

– А с чего пожар вдруг?

– Лето, засуха, – сказал старик. – Может чужак какой костер оставил. Глупый вопрос. С чего пожары в лесах бывают?

Лем насупился. Дальше они шли молча.

Выйдя из поселка, они прошли по узкой тропе. Старик указывал путь.

Они дошли до леса.

Насаждения громоздились серым частоколом. Часть из деревьев стояли опавшими, часть нет. Покрытые белыми шапками снега, ветви не пропускали дневной свет. При полной тишине стоявшей вокруг, из леса доносились редкие звуки ломающихся ветвей и шорохи от взмахов крыльев воронов. Воистину, он был по-своему мрачным и сказочным.

– Ну что, пошли? – спросил старик

– Веди, – командовал Лем. – Только тихо.

– Не учи дедушку кашлять.

Они пробирались сквозь сухие кусты и ветви. Местами проваливались в сугробы.

Старик пытался найти свою старую охотничью тропу.

Память Архипа, которая его никогда не подводила, годы в военной разведке, всё помогало ему ориентироваться на любой местности. Он искал путь не хуже следопыта из вестерна. Старый разведчик, чуть ли не по запаху, находил нужное ему направление.

– Туда, – шептал разведчик.

– Как ты видишь в этих буераках? Я бы уже лапы под елкой сложил и замерз со спокойной душой. Здесь же куда не повернись одни деревья.

– Тьфу, ты ёб твою три гроба мать! – бубнил ветеран. – Что за поколение? За деревьями леса не видют. Вот как такого дурня в разведку брать? По следам моим иди, только молча, а то все явки завалим.

Поход продолжился.

Прорываясь через заросли сухого терновника и заваленные елки, они наконец вышли к небольшой тропке, что вела в глубь темной чащобы. Напоминало пищевод в чрево непонятного инопланетного червя, желающего полакомиться зазевавшимися путниками.

Но вряд ли бы такое произошло с разведчиком Канарейкиным.

Старика закалила жизнь в поселке и военная служба. Участие ни в двух вооруженных конфликтах, несколько ходок за линию фронта.

Не одна существующая тварь, не смогла просто так его проглотить, не подавившись. Дед был не робкого десятка, обладал военной смекалкой и таким же незатейливым солдатским юморком.

Некоторое время они пробирались через глубокие сугробы.

Заскучав по пути, Лем решил отвлечься на разговор:

– А скажи, отец? – спросил Лем. – Ты на великой отечественной был?

– Был, – коротко ответил старик.

– На каком фронте?

– Военная тайна.

– А на Даманском был?

– Был.

– А как туда попал?

– Молча..

– А прости, дед, забыл, что ты у нас – разведчик.

– У кого у Вас? – перевел стрелки дед.

– Да неважно.

– Ты мне лучше вот, что скажи, Лянь, кого мы искать на той поляне будем?

– Вертолет.

– Это я понял. А чей и с кем?

– Скорее всего, дед, это наши спецслужбы.

– Чьи ваши? – усмехнулась старик. – Китайские?

– Наши Российские, но конкретно, какие не знаю.

– Ну, тады захлопывай варежку и вались на пузо, далее ползком. Пятьдесят метров до поляны осталось.

Лем и разведчик, перешли на шепот и жесты. Они медленно и тихо подбирались к месту интереса.

Подойдя ближе, дед жестом указал Лему залечь и не двигать. Дальше старик достал свой бинокль и стал изучать обстановку.

На поляне стоял черный вертолет МИ-26, на боку которого, вместо красной звезды, красовался золотой крест в круге. Человек двадцать военных, надевали белые комбинезоны поверх амуниции. На плечах формы был тот же золотой крест. Лица прикрывали балаклавы и шлемы. Боевые винтовки отряда старику тоже были не знакомы.

Дед подозвал Лема.

– Докладываю: один вертолет, десантно-боевой, двадцать человек, личного состава, вооружены. На плечах шевроны не наших спецслужбы.

– Что за шевроны?

– «Золотые кресты».

– Дед, это не китайцы. К вам «Алтарники» пожаловали.

– Радость, то какая! – шипел старик. – И что с того?

– Да просто эти ребята сюда явно не шашлыки жарить заявились.

– Само собой, шпиена ловить, – бормотал старик. – По твою душеньку, Лянь. Ну сейчас я им маненько подсоблю.

После этих слов, дед вскинул ружье и взял Лема на мушку.

– А ну, мурло китайское, грабли за голову! – выкрикнул ветеран.

– Эй, дед, ты чего? – заволновался Лем, – Не шпион я, и уж тем более не китайский.

– Сейчас они разберутся, чьих ты будешь.

Не успел старик это сказать, как краем глаза заметил движение под снегом. Дед не сводил мушку с напарника.

– Что, паскуда? Своих позвал? Вон они уже под снегом поползли. Нам военрук рассказывал, как ваши китайцы под снегом ползать умеют.

– Дед, замри и не дыши.

Вдруг, что-то схватило старика за ногу и протащило его под снегом. Это была огромная черная щупальца, напоминавшая гигантский черный хвост.

Ветеран повис головой вниз. Вскинув карабин, он стал целиться. Выстрел. Ослабшее щупальце выронило старика. Лем схватил его за рукав и потащил за собой.

– Рвём когти, дед! А то нам сейчас башки по отгрызают!

Они проламывались сквозь ветки, заросли и сугробы. Они бежали, спотыкаясь, падая, поднимая друг друга в попытке спастись. Лес позади них начинал трещать и гудеть, превращаясь в дикого, голодного зверя.

Покинув чашобу, Лем и сержант повалились на землю. Они лежали, глядя в сумеречное небо, в попытках восстановить дыхание. Старик крепко сжимал карабин в руках, как родную мать.

Бич достал из кармана пачку шахтерских сигарет, вытряхнул их на ладонь, и отдал одну старику. Дед достал спички и подкурил. Передал спички Лему. Лежа и покуривая, дед сказал:

– Видать не врал, Виталька-то.

– А я, – затыгиваясь, сказал Лем. – Как-то не сомневался.

– Так что это за невидаль, Лянь?

– Не знаю, отец, ой не знаю.

– Какая-то ебанина неведомая, – сказал дед.

– Есть у меня мысль, но она мне не нравится, – тяжело дыша, сказал бродяга. – А кстати, военных сколько было?

– Двадцать человек.

– Было двадцать военных, стало двадцать «одержимых» до зубов вооруженных.

– Ты чо там мелишь?

– Говорю «алтарников» того, переквалифицировало. Они теперь не на нашей стороне.

– А были?

– Были – не были, уже не важно, – сказал Лем. – Важно, что теперь в лес точно нельзя.

Лем закашлился, подавившись папиросным дымом.

– Скажи, отец, знаешь как на разрез попасть?

– Знаю, – ответил дед, вставая с земли. – Но сегодня мы туда не пойдем. Темнеет уже.

Пошли, милоч, ко мне я кочета зарублю, бульона сварим, а то пниманию легких можем поймать. Да баню что ли затоплю.

– Бульон и баня, дело хорошее.

– Я тебе на печи постелю. Кальсоны то чистые есть?

– В чем был, дед, в том и материализовался.

– Небоись, Лянь, что-нибудь придумаем.

4.

Лем и старик отправились в сторону его дома
Ночь постепенно накрывала, тихий поселок. Окна одиноко стоящих избушек начинали загораться во тьме. По округе раздавался лай собак и карканье ворон.

Темный, дремучий лес затихал, подобно ночному хищнику, нашедшему себе засаду. Притаился в ожидании неосторожной жертвы. Тишь да гладь. Как перед бурей.

Спокойный вечер у Архипа. Лем и старик сидели за столом, попивали индийский чаёк из пачки с синим слонем, похрустывали сушками.

Периодически, нацепив бушлат, выбегали по очереди в сени на перекур или по нужде.

– Ты мне, Лянь, вот что скажи, Что меня за ногу то потащило?

– Я, Архип ну Майорович, тебе название не скажу, так как тварь, эта потусторонняя, – рассказывал Лем. – А там языка человеческого нет. А тут они еще не появлялись, в таком количестве, чтобы люди название ему дали. Алтарники каждую такую сущность зовут объект, и присваивают номер и литеры, оккультисты их зовут древними богами, могут конкретное имя придумать, даже целый культ вокруг него возвести. Людей живых могут даже в жертву приносить.

– Иди ты! – ужаснулся ветеран.

– Да, да, именно в жертву, – сказал Лем, прихлебывая чай из блюдца. – Все как полагаются, четвертование, колесование, людоедство.

– Мать честная! – охал дед. – На войне я, конечно, видел страшное, но что бы, вот так в мирное время, да с живыми людьми. Тьфу! Нелюди!

– Те еще, безжалостные суки, – продолжал Лем. – Сталкиваюсь с ними периодически. А главная у них так вообще. Сострадания в ней, как у табуретки. Свои ее за глаза зовут «Серая дева» .

– А в миру ее как звать – величать? – поинтересовался старик.

– Гризельда Дюмонт, – ответил Лем.

– Немка? Гестаповка поганая!

– Скорее бельгийка или шведка.

Лем намочил сушку в чае, и отправил ее в рот.

– Но не о ней сейчас, – закончил Лем. – Ты мне дед, вот что скажи, парней видел из вертолета, те что с позолоченными крестами на шевронах?

Дед кивнул.

– А что у них за винтовки были?

– Винтовки явно не нашенские, слаженные, черные. Магазины у них не спереди под цевьем, а сзади у приклада, и прицелы оптические вроде.

– Это, отец, Австрийские штаеры. Они по стандарту у оккультистов в снаряжение входят. А раз винтовки не наши, но и отряд был не наш.

– С чего взял-то? – спросил дед.

– А с того, Архип, что «алтарники» используют пистолеты – пулеметы «вереск», и малогабаритные автоматы «вихрь». Не один из них, никогда в руки не возьмет, неосвященное оружие. Их верховный капеллан, одобряет исключительно отечественные стволы.

– Эво как, – сообразил дед. – Так это что получается? Это шпиёны?

– И да, и нет. Они, видимо, на изъятие прибыли. Вот только, что они тут изымать собрались?

Лем прихлебнул из блюдца.

– Дед, скажи, Варваровский разрез, намедни, новые залежи не разрабатывал?

– Давеча, – ответил разведчик. – Маркшейдеры ковырялись возле горы, да взрывали чой та.

– Не ту гору взорвали, – смекнул бродяга. – Видимо открыли фразу, додики.

– Чего? – спросил старик.

– Фраза, отец, это такое отверстие в нашей реальности, откуда бесы лезут. – пытался объяснить Лем.

– Ишь, ты! – захохотал дед. – Врата в преисподнюю! Вот ироды окаянные!

– А где фраза, – продолжал Лем – Тут и оккультисты. Пожаловали, как мухи на говно. Видимо перехватили алтарников на подлете, вещи их нацепили, для конспирации и пошли.

Лем макнул рафинад в блюдце.

– Да не тут-то было. То, что нас с тобой, хотело сожрать, снюхало двадцать оперативников. Возможно и всех вахтовиков.

– Тикать, Лянь, надо! – запаниковал ветеран.

– Бесплезно, отец, – продолжил Лем. – Надо на разрез попасть, и посмотреть, что открыли, и что выпустили. А там глядишь, смекну, как из ситуации малой кровью выйти. Знаешь как туда попасть?

– Знаю, конечно, – сказал старик. – А ты что, пока шарился по сараю моему, ничего не заметил?

– А чего я должен был заметить? – удивился Лем.

– Хех! – крякнул дед. – Ну, надевай свой лапсердак, пойдём, кое-что покажу.

Они надели теплые вещи и отправились в сарай.

Как только они вошли, старик, взмахом снял серый тент с мопеда «карпаты-2» светлосинего цвета.

Лем вскрикнул от восхищения. Увидеть такой раритет, он мог только в этом временном отрезке. Мопед был ослепителен: не было ни сколов, ни потеростей на шинах, даже пыли. Глянec голубой эмали отражал блики ламп, зажженных в сарае. Это был настоящий механический мул, мирно спящий в своем стойле.

– Дед, ты, где его взял, а главное на какие шиши? – восхищался Лем.

– Девальвация, – усмехнулся старик. – Куй железо пока Горбачёв.

– Ты, дед, правильный военный! – радовался Лем. – Таких как ты, из бронзы отливать надо и на вокзалах ставить!

– Сейчас овса моему Боливару зададим, а завтра покатым, бесов твоих обратно в чистилище загонять.

Архип достал канистру из-под верстака, постучал по ней. Ухмыльнулся.

– До разреза должно хватить.

Лем задумался над его словами.

Что значит «до»? Разведчик вряд ли планировал путешествие в один конец. Скорее всего, старый пройдоха, надеялся разжиться топливом бандитским способом.

– Чур, я за рулем, – восклицал Лем.

– Пушу я тебя за руль, окаянного. Канистру и ружье повезешь. Что мы, по-твоему, назад пешком пошкандыбаем?

– Ни как нет, товарищ сержант!

– То-то и оно. Я бы еще ведро взял, уголька нацарапать, но тогда «сайгу» надо оставить.

– Не, дед, без карабина мы туда не сунемся.

– Святая правда.

– Если это то, о чем я думаю, без перестрелки не обойтись.

– Ладно, Лянь, время позднее, идем спать.

– Верно, – сказал бродяга. – Завтра день трудный.

Они вышли из сарая, направились в дом.

Тихая ночь накрыла поселок своим саваном. В глубине тьмы начинали роиться твари. Они выползали из своего логова, в поиске заблудших душ. Инфернальная сущность рвалась на волю. Безумный кукловод, чьи марионетки уже рыскали по карьерам и лесам. Над селеньем нависла неизвестная до селе угроза, которая уже не раз нависала, над забытыми, исчезнувшими в ее чреве, деревушками.

Обскур, поглощал их одну за другой. Будь-то замшелая шахтерская деревня в джунглях Перу, или же маленький городок Южной Дакоты. Везде, где фрактура вырвалась наружу, она всегда забирала и пожирала все.

5.

Утреннюю тишину пронзили крики петухов и лай собак. Поселок оживал. Местные жители лениво выползали из своих нор, чистили дворы от снега и кормили скот. Гремя ведрами, старушки брели к центральной колонке, чтобы набрать воды.

Местные шли на остановку к автобусу, чтобы попасть в районный центр по делам. Погода стояла холодная, но не морозная.

Старик проснулся, слез с кровати, обул тапки, надел свои серые штаны от костюма двойки поверх кальсон. Дед побрел в сторону прихожей. Набрал ведро воды из металлической молочной фляги, засунул в него кипятильник, включил в розетку.

Пока кипятилась вода, дед, накинув теплый бушлат, поспешил в курятник набрать яиц к завтраку. Вернувшись, он включил электрическую печь, поставил греться чайник. Достав из тумбочки огромную чугунную сковородку, поставил ее рядом с закипающим чайником, кинул на нее столовую ложку смальца. Топленный свиной жир, начал медленно расплзаться, подобно Бастинде, которую Элли окатила водой. Далее в сковородку он разбил яйца.

Пока завтрак готовился, ветеран настрогал хозяйственное мыло в пиалу, залил его горячей водой и разболтал пену с помощью старого помазка.

– Лянь! Вставай, – прогремел он.– Шуруй, умывайся, морду брей. Сейчас завтракать будем.

– Дети в школу собирались: мылись, брились, похмелялись! – проскрипел с лежанки Лем.

– Станок у зеркала, новое лезвие я тебе поставил.

– Спасибо, отец, за доброту твою душевную, – шутил Лем.– Я твою тещу бесплатно грохну!

– Кончай разгильдяйствовать, охламон! – сердился старый Архип.– Шагом марш в порядок себя приводить!

– Так точно, товарищ сержант! – ерничал Лем.

– За какие грехи тебя мне послали? – ворчал старик.

После банных процедур товарищи принялись за завтрак. Перед миссией по спасению поселка, необходимо было, как следует подкрепиться, иначе ракета могла не вернуться на Землю не только до обеда, но и в принципе.

Завершив скромную трапезу, команда принялась к сборам. Дед заряжал карабин, надевал теплые вещи. Лему же много времени на сборы не понадобилось.

Далее они поспешили в сарай. Старик велел Лему взять лопату и расчистить двор. Наш герой в пару резвых движений, уничтожил все сугробы на участке, расчистив дорогу до обледелой земли.

– Ишь ты! – удивился ветеран.– Для алкаша, ты, Лянь, довольно проворный!

– Ну, начнем с того, что я не алкаш и не бомж, а бывший интеллигентный человек, – спокойным тоном ответил Лем.– А во-вторых, если бы я не был проворный, меня уже давно чёртики скушали.

– Это, какие же чертики? – глумился Майорович.– Те, что к тебе по белой горячке приходят?

– Он не исправим, – выдохнул Лем.

Архип Майорович выкатил свой мопед за ворота и стал его заводить.

Раскатистый, высокий рык мотора прорезал тихую атмосферу зевающей деревни. Боливар замурлыкал как тигренок. Старик-разведчик надел мотоциклетную каску, оседлал своего механического мула, пару раз разогнал масло, прокручивая ручку газа.

Он велел Лему садиться позади и крепко держать карабин.

Спутники тронулись в путь.

«Что ожидает нас, друг, на пороге ада? Вечная жизнь или вечный покой?» – как пелось в одной из песен. К сожалению, Лем тоже этого не знал, он мог только предполагать. Его знания были затерты, как слова в тексте белым корректором. О значении их он мог только догадываться на основании контекста истории, что разворачивалась вокруг.

Ветеран выжимал все сорок из своего мула, несясь по серпантинной дороге, ведущей от поселка до разработки. Путь пролегал через тот темный лес. Заросли хвойных деревьев нависали мрачным туннелем над дорогой.

Страх и сомненья были привычными спутниками бродяги. Он был миролюбивым, и ценящим жизнь человеком. Прибегать к насилию ему приходилось только в крайних случаях, когда без этого невозможно было обойтись.

Они добрались до разреза.

Дед снизил скорость мопеда, заезжая во вскрышу угольного карьера. По всюду стояли брошенные шахтерами в попытке спасения, горнодобывающие машины, гигантские экскаваторы, огромные карьерные самосвалы, рампы электрической подачи и прочее.

Среди белого дня в том месте, где должен стоять страшный шум, стояла гробовая тишина.

– Тихо, даже птиц не слышно, – прошептал старик.

– Давай, отец, с тобой мотор заглушим, и карпач покатым.

Старик кивнул. Оба слезли с мопеда.

– Вяжи канистру к раме и тащи мопед, – скомандовал разведчик.

Лем покатыл его под руль. Старый Архип вскинул карабин и перезарядил, приведя его в боевую готовность.

– На курган, – сказал он. – Оттуда обзор хороший.

Поставив мопед у подножия насыпи, они поднялись. Дед достал свой бинокль. Стал вглядываться вдаль.

– Эти его мать! Лянь, ты глянь!

Лем взял у разведчика бинокль. Пространственный разлом черной трещиной в ткани бытия зиял по центру огромной взрывной воронки.

– Хреново, дед, очень хреново. Фрактура.

Лем начал крутить колесико бинокля, увеличивая масштаб. Возле фрактуры по кругу бродили люди, патрулируя периметр. Они двигались синхронно и монотонно.

Бродяга перевел взгляд на следующую панораму. Краем глаза он заметил как зашевелились деревья. Из зарослей вышло громоздкое существо. Оно было не меньше пяти метров в высоту. Тварь перемещался на четырех заостренных конечностях.

Сущность имела гоминидный торс, с двумя длинными когтистыми руками. Из спины росли множественные, черные щупальца. Отростки извивались вокруг тела существа. Голова напоминала октаэдр. Двигался он спокойно. Справа от чудовища плелись оперативники.

– Приехали! – с досадой выдохнул Лем.

– Что?

– У нас тут кукловод.

– Цирк с конями!

– Так, дед, план такой : нужно закрывать фрактуру. Чем-нибудь ее рвануть изнутри. Вот только чем?

– Знамо чем, – перебил его старик-разведчик. – Нам надо сторожку проходчиков найти, а там тротила как говна за баней.

– Сдается мне, отец, – сказал бродяга. – Что ты знаешь где она.

– А как же, – усмехнулся он. – В ста метрах на юг-юго-запад от твоей срактурсы.

– И как нам к ней попасть?

– Знамо как: ты в обход поедешь на моем Боливаре, токмо незаметно старайся, а мы ближе подползем, и зад тебе, на случай ежели заметют, прикроем.

– План ясен, товарищ сержант.

– Дальше как все наберешь, дуй ко мне, так же в объезд, я тебе заряд правильно собираю.

А дальше посмотрим. Понял?

– Пугаешь ты меня, старый пройдоха.

– Не бзди, солдат ребенка не обидет.

Лем спустился с угольной насыпи. Он завел мопед. Выбрал больший радиус маршрута, для того чтобы быстро и незаметно подъехать к сторожке.

На полпути Лем понял, что дальше карпач лучше заглушить, а к сторожке отправиться пешком.

Двигаясь гусиным шагом, и кое-где ползком, он все-таки добрался до контрольной точки. Войдя внутрь, бродяга начал осматриваться. Взяв сверток динамитных шашек, он стал принюхиваться. «Бризантная взрывчатка с примесями, скорее всего Боливийская. Думаю, одного свертка за глаза, – размышлял Лем. – так, а вот и детонатор. Эх! Жаль не дистанционный, все таки придется лезть в щель».

Взяв все необходимое, он пополз обратно к мопеду. А оттуда вернулся к старику, расположившемуся в засаде.

– Принес? – спросил Архип

– Вот все что было.

Дед стал копошиться в пиротехническом барахле, разглядывая каждую деталь.

– Вот ядрена – Матрена! – выругался старик. – А где провод?

– Вот он, все что было.

– Эх, длины не хватит, чтоб из дыры вылезти и сигнал послать.

– Я внутрь полезу, – сказал Лем. – Мне не впервой.

– Да погоди ты, – осенило разведчика. – Есть одна мысль, как раз под твою сноровку. Но шанс один, и тот не велик.

– Я же говорю, пугаешь меня.

– Динамит к Боливару моему приспособим. Ты на всех порах к щели гони, только первым колесом в нее въезжать будешь, жми детонатор, сигай с мопеда и залегай наземь.

– Скверный план, – сказал Лем. – Может получится.

– Ты мне, Лянь, одно скажи, – беспокоился дед. – Ну, схлопнем мы эту срактуру, а дальше, твой куколд нас и сожрет с фекалью.

– Не сожрет, отец, – успокаивал его Лем. – Он от разума улья зависит. Закроется фрактура, он сигнал от центра перестанет получать и загнетса. Они не автономные. Такие же марионетки, как сейчас шахтеры и военные.

– Страх-то, какой, – ворчал старик. – А нас он под контроль не возьмет?

– Ну, если поймает и щупальца в рот запихнет, то да.

Майорович кивнул и принялся к сбору бомбы. Через пять минут, он прикрепил устройство к мопеду.

– И еще, прорываться придется напролом, – пояснил Лем.

– Я так и понял, – ответил Архип. – Тогда ты за руль, а я отстреливаться буду.

– Принял.

Сев на мопед, они устремились к разлому. Карпач ревел как боевой як, набирая скорость. Бродяга пытался объезжать крупные ямы и насыпи шлака, маневрируя как каскадер из советских фильмов. Дед сидел на заднем сиденье, держа правой рукой карабин на взводе.

Кукловод заметил их. Он указал своим острым, черным пальцем на движущуюся цель. Его приспешники приняли боевые стойки, вскинув свои винтовки. Тварь согнула руку в локте, сжав пальцы в кулак. Оперативники открыли огонь.

Лем, на полном ходу вывернул руль. Мопед завалился в яму. Дед и Лем залегли в ожидании прекращения вражеского обстрела.

– Стреляй, Лянь!– прокричал дед.

Лем схватил карабин, и начал палить из укрытия. Старик – разведчик под шум перестрелки, выкатил карпач из ямы, завел его и рванул в сторону фразктуры.

– Дед, стой! Убьешься!

Архип рвал гашетку изо всех своих сил. Мопед с лютым ревом, прорывался к щели. Тем временем, у Лема закончились патроны. Он упал на спину, обхватив ствол карабина, продолжая беспомощно кричать старику вслед: «Куда, старый черт, тебя понесло? Она ведь тебя сожрет». Его крик срывался на сип и плач.

Но его приятеля было не остановить. Разведчик принял решение: ценой своей жизни защищать свою Родину.

Старик пропал во фразктуре. Через мгновение раздался хлопок. Из разлома вырвалась слабая ударная волна, которая своим дуновением отклонила кроны хвойных деревьев, окружавших разрез. Фразктура моментально схлопнулась и исчезла.

В диких корчах, издавая низкочастотные звуки, монстр начал растворяться. Он превращался в нефтеподобную жижу, растекаясь масляным пятном. Его агония продолжалась не долго. В след за своим повелителем, попадали его марионетки.

Лем кинулся туда к месту фразктуры.

От отчаяния, он продолжал бить кулаками о землю, крича лишь одну слово: «зачем?». Но это продолжалось не долго. Лем почувствовал резкую, разлитую боль в затылке, подобно горячему свинцу, что окутывал его разум. Он упал без сознания. Над его контуженым телом стоял оперативник, который держал рацию, и что-то бубнил в нее:

– Crowley, Mission gescheitert! Ich wiederhole, gescheitert!

– Verstanden, Azrael! Zur Basis zurückkehren.

– Crowley, noch etwas. Er ist bei uns.

– Wer?

– Archivarr.

– Das ist gut!

Ю Ган ко.

1.

Лем очнулся, сидя на жестких нарах. Голова его раскалывалась, а в глазах двоилось. Мерзкое чувство тошноты подкатывало комом к горлу.

Оглядываясь по сторонам, бродяга понял, что он находился в небольшой сырой камере. Вместо стены была тяжелая металлическая решетка. Напротив его нар, находились еще одни такие же, слева от которых располагался ямный сартир. Темный сырой казимат.

На против Лема сидел, низкорослый кореец, который постоянно рыдал. Слова, которые он повторял, звучали словно молитва: «бедные мои детки, бедная моя матушка, бедная моя Ханьль! Что с ними будет?» Его слова крутились подобно унылому реверсу, как заевшая пластинка на граммофоне, распространяя ужас безнадежности сложившейся ситуации.

Возле решетки стоял другой арестант. Держась за перекладину, он провожал, своим хитрым, раскосым взглядом, шагающего из стороны в сторону, военного вертухая.

Охранник, что курсировал рядом с клеткой, был довольно молодым, возможно лет девятнадцати, одетый в форму армии корейской народно-демократической республики, вооруженный винтовкой. Паренек, вероятно, проходил срочную службу.

Мужчина что сидел на нарах, продолжал бубнить.

Арестант, стоявший возле решетки, не выдержал и крикнул на него:

– Заткнись, Ро Ен хак, заткнись к чертовой матери!

– Бедные мои дети!– продолжал скулить, как раненый пес, другой.

– Бедные детки! Что их ждет?– свирепел его сосед.– Их ждет трудовой лагерь, как и твою жену, а твою мать ждет голодная смерть! А тебя ждет расстрел на площади, на глазах у твоих родных! А знаешь почему? Знаешь почему, Ро Ен хак? Потому что ты предатель и изменник, Ро Ен хак! Такой же, как и все в этой камере!

Бедный Ро , упал лицом в нары и закатился горячим плачем.

– Не будь грехом ввергать в уныние и без того уже унылых...– процитировал Лем, массируя указательными пальцами виски. – Что ты пристал к бедняге, душнило?

– Что ты там проямлил, убогий? – обратился к нему арестант.

– Убогий – здесь один. И это ты.

– Ты кем себя возомнил?– негодовал молодой мужчина.– Знаешь кто я такой? Я – Пак Хволь вон!

– Слушай, Хон Гель дон, – спокойно обратился Лем. – Посиди тихо, а я обещаю тебя не калечить.

– Я – Пак Хволь вон! – выдавил из себя крик молодой мужчина и кинулся в сторону бродяги.

Легким движением туловища, Лем перебросил его через бедро, схватив на удушающий. Пак потерял сознание. Лем приподнял и свалил его под нары, приговаривая: «нервы его погубят».

На шум отреагировал вертухай. Постучав деревянной дубинкой по решетке, он спросил:

– Что у вас происходит?

– Хон Гель дон подскользнулся.

–Тихо себя ведите, – приказал охранник.– Полковник То, шума не любит.

– Полковник кто?

Ответа не последовало.

Около получаса сидели в полном безмолвии. Лем пытался собрать картину воедино, представляя, куда его занесло на этот раз. Но выкрикнутые фамилии и антураж окружающей обстановки долго размышлять о ситуации ему не позволили.

«Да, подкололо, так подкололо. Когда я мечтал попасть за границу, я представлял Чехию, или Египет, но ни как не северную Корею, эпохи правления Ким Ир сена. Но ладно бы еще начало, так нет же! Под закат его блистательной карьеры. Как я обожаю страны с военной диктатурой. И в каждой я попадаю: то в тюрьму, то на виселицу, то в трудовой лагерь. Ладно, попробую разбудить беднягу Ро, может он объяснит, что происходит».

Легким покачиванием плеча, Лем привел в чувства Ро Ен хака. Тот встрепенулся от страха, приподнялся и, вжавшись в нары, съежился. Он дрожал от страха.

Дрожащим голосом он проскрипел:

– Пожалуйста, не бей меня.

– Я и не собирался. Скажи мне, уважаемый Ро Ен хак, что здесь вообще, черт побери, твориться?

– Не знаю, я не знаю. Я ни в чем не виноват.

– Ох, это будет сложно. Пожалуйста, успокойся, и расскажи мне, что происходит, почему тебя, меня и его, до сих пор не грохнули и держат в камере временного содержания?

– Я ни чего не знаю. Ни в чем не виноват.

– Так, давай с самого начала. Меня зовут Лем. Если ты мне расскажешь, что здесь твориться, возможно, я смогу помочь тебе и твоей семье. Давай еще раз, я Лем.

– Лим?

– Да по херу, пусть будет Лим, – согласился бродяга. – Ты расскажешь, что происходит?

– Теракты, взрывы, диверсии! – затрепал Ен хак.

– По подробнее можно? Давно началось?

– Месяц, два, не знаю, – дрожащим голосом продолжал Ро. – Вначале электрик молодой погиб. Сгорел заживо в трансформаторной будке. Потом начали в полях обугленные кости овец находить. Значения никто не предал. Пару овец, что о них думать? А потом страшное начало твориться: В начале, монтеры пропали, человек шесть, наверное, уходили к той будке трансформаторной и не возвращались. Отряд милиции пошел их искать, нашли всех шестерых, возле будки, всех током убило. Они трансформатор снять хотели, чтобы в другую деревню перевезти.

– Интересно девки пляшут. Что дальше было?

– Дальше? – продолжил Ро. – Дальше, трупы крестьян на хлопковых полях начали находить, по два в неделю. Если задержится, кто из них в поле до заката, домой уже не возвращался. Двое так задержались: Гван себ и Дол дин. А утром их обугленные скелеты на просеке нашли. Земля вокруг них, до того накалилась, что в стекло превратилась. Но хуже стало, когда солдаты начали останки своих патрульных находить. Тут застава рядом пограничная, как раз железнодорожной развязки. Тут наши беды и начались.

– А скажи мне, Ро, ты случаем не деревенский староста?

– Да,

– Дальше-то что было? Как вояки отреагировали?

– Военные? – дрожал староста. – Военные себя ждать не заставили. Главный у них на заставе, полковник То. Очень серьезный и страшный человек. Начались массовые задержания и допросы. Много мужчин и женщин пропало без вести, кого военные на улицах хватили. Якобы на дознание. Вроде как капиталисты гнилые, диверсанта прислали, и теперь он мирных граждан в страхе держит.

– Теракты прекратились?

– Нет, – продолжил Ен хак. – Только хуже стало, по ночам стрельба, взрывы, словно театр боевых действий. Солдаты своих хоронить начали, заставы по ночам горят. Полковник злой

как собака ходит, местных без разбора хватает, арестовывает. Уже две показательные казни на площади были и все за измену Родине.

– А ты как попал под раздел? – интересовался Лем.

– А меня полковник на допрос вызвал, – сокрушался Ро Ен хак. – Вначале, расспрашивал, все хорошо было. А потом говорит, что я изменник и покрываю диверсанта. Вот так я в камере и оказался.

– А этот чудо-богатырь? – спросил Лем, кивая в сторону мирно лежащего у параши арестанта.

– А этот? Не знаю, – ответил староста. – Его после меня привели.

– А я?

– А ты тут уже был, когда меня привели. Без сознания лежал, – ответил староста.

– Как думаешь, почему они нас до сих пор не расстреляли? – спросил Лем.

– Полковник сказал, – бубнил староста. – Следователя из Пхеньяна ждем.

– Ну, значит, давайте будем подождать следователя, – подытожил Лем. – Ложись спать, завтра ситуация станет ярче. Гляди, как Хон Гель дон нежно сопит. Как младенец.

В углу у отхожего места, мирно посапывал агрессивный заключенный. Время тянулось подобно плавленному сахару. Ро Ен хак, прекратив стенать и всхлипывать, свернулся на нарах в позе эмбриона. Охранник продолжал курсировать от стены к стене, в ожидании смены караула.

Лем вытянулся на нарах, свернув свой свитер и подложив его себе под голову. Как не раз бывало, он укрылся своим бизоньим пальто, сняв свои сапоги, поставив их под нары.

В полудреме наш герой думал о происходящем в этой тихой фермерской деревушке. «Разве бедные жители этой когда-то великой страны мало пострадали? Разве им мало предстоит пострадать в будущем? – думал он. – Почему за грехи цепных псов кровавого режима, должны гибнуть простые люди, такие как Ро Ен хак, его матушка, его дети и его дорогая супруга Ханьль. Даже такие молодые, глупые обалдуи как этот Хон Гель дон, или как его там – Пак Хволь вон, не заслуживают такой участи».

Способа выбраться из камеры не было. Оставалось ждать, когда приедет следователь из столицы, ну или же полковнику То станет скучно, и он решит развлечь себя допросом с пристрастием. Хотя скорее это будет импровизированная пытка, в виде отбивания кончиков пальцев деревянной дубинкой.

Информация, которую выведал Лем у старосты Ро, не могла дать абсолютной картины происходящего. Нельзя было однозначно сказать, что это компетенция знаний Лема, или же, правда подрывная деятельность носителей демократии, которые прислали своих миссионеров плаща и кинжала, дабы насадить правильный образ политической мысли, коммунистическим дикарям. Ад каннибалов, не иначе как.

Уставшее, засыпающее подсознание Лема, решило перевести ход мыслей, в более тяжелое русло. Разум напоследок устроил ему пытку угрызениями совести. Лем вспомнил о бесследно пропавшем во фрактуре старике Архипе. Смог ли он пережить этот взрыв, а даже если и смог, сможет ли он выжить в тех условиях, куда его занесло.

2.

Лема разбудил скрип открывающейся решетки. На ее пороге стоял мужчина среднего роста в офицерской форме. Его лицо не выражало никаких эмоций, словно это была восковая посмертная маска. Это был уже известный нам полковник То Ен сон, начальник пограничной заставы. Кивком головы, он указал в сторону спящего старосты Ро. Солдаты, сопровождавшие его, тут же стянули сонного Ен хака с койки, схватили его под мышки и потащили в неизвестном направлении.

Страх сковал бедного старосту на столько, что он не смог сопротивляться происходящему. Он повис в руках своих палачей, словно соломенное пугало в старом тряпье, которое крестьяне тащили в поле, чтобы распять на кресте. Он уже не причитал и не звал на помощь. Ро осознал, что это прогулка в один конец. Взгляд полковника То, жидким азотом выжег всю надежду в душе у несчастного. Уголок рта военного застыл в едва заметной ухмылке. Полковник предвкушал допрос, словно это для него была какая-то извращенная, садистская забава.

Очнувшись под нарами, заключенный Пак выдал фразу: «Туда ему и дорога, жалкому трусу».

Он выполз на свет Божий и расположился на лежанке сверху, не снимая обуви. Растянувшись на ней словно удав, он завел разговор с сокамерником:

– Тебе очень повезёт, бродяга, – накалял обстановку Пак. – Если военные разделяются с тобой раньше. В противном случае, я задушу тебя, пока ты будешь спать.

Лем сидел, молча, не реагируя на его провокации.

Пак продолжал свои нападки:

– Не прикидывайся глухим, бродяга, – продолжал он.

Лем сидел непоколебимо, разглядывая с ухмылкой соседа по камере. Таких персонажей, как этот Пак, он уже повидал на своем веку неисчислимое множество. Жалкий, тщедушный человек, сожраный изнутри комплексами неполноценности. Его попытки проявить себя как сильную, даже пугающую личность, вызвали у Лема только приступы испанского стыда. Ситуация была похожа на лаянье пинчера в сторону, вышагивающего аллюром по мостовой, датского дога, который смотрел на это недоразумение с нескрываемым собачьим изумлением, вперемешку со снисходительностью и снобизмом.

– Ты бы захлопнул варежку, – попросил Лем. – А то можешь заболеть.

– Это чем же я могу заболеть? – переспросил Пак.

– Да чем угодно, – начал перечислять Лем. – Сотрясением мозга, переломом ребер, частыми обмороками, недержанием мочи и кала.

– Ты мне опять угрожаешь? – возмутился он.

– Я тебя предупреждаю, – перебил Лем. – Просто сиди тихо и не мешай мне сосредоточиться, если не умеешь разговаривать спокойно.

– О чем мне разговаривать с предателями? – усмехнулся заключенный.

– А ты здесь очутился по ошибке? – спросил Лем. – Ты не предатель?

– Я – Пак Хволь вон, – набирал он обороты. – Я не предатель. Я верен коммунистической партии и нашему вождю Ким Ир сену. Я председатель комсомола.

– А! Так ты гадкий соглядатай, – говорил Лем. – Шавка кровавого режима! Так это ты начал закладывать своих?

– Я не закладывал своих! – с агрессией в голосе, отвечал Пак. – Я исполнял свой священный гражданский долг перед Родиной, партией и вождем.

– То есть, – подводил итог Лем. – Ты, мелкая гадина, пытался выслужиться. Но по итогу тебя тоже поставят к стенке.

– Не поставят, как только приедет следователь с Пхеньяна, – воодушевился Пак. – Все выяснится, меня отпустят, еще и наградят.

– Наградят, наградят, – иронизировал Лем. – орденом сутулого третьей степени. Лучшее что тебя ожидает, это расстрел. Худшее твои же земляки с тебя живого кожу сдерут.

– Такому не бывать, – возмутился комсомолец. – полковник То справедливый человек, он не даст в обиду невинного.

– Твой полковник, – продолжал Лем. – Натуральный психопат и садист, единственное, что он сделает, для твоего блага, так это сам тебя застрелит во время допроса.

– Замолчи! Бродяга! – нервничал Пак.

– Что? – давил Лем. – Страшно стало, падла! Когда закладывал своих товарищей, страшно не было? Ты упырь, Хон Гель дон, гадкий трупоед. Вот из-за таких как ты, страдает большинство живых существ во вселенной. Знаешь, как называют тебе подобных? Паразиты. А теперь заткнитесь, пожалуйста, уважаемый председатель комсомола и дай поспать.

Пак Хволь вон, последовав совету Лема и встал возле решетки.

Лем продолжил свои размышления: « Этот дурак ожидает благополучного исхода. Но какой может быть исход у мухи, попавшей в паутину, даже если паутина старая и хозяин ее давно издох. Шанса выбраться нет как такого. Есть, конечно, надежда на постороннюю помощь, но где гарантия, что спасителем не станет более крупный и опасный хищник. Крышка западни захлопнулась. Ладно, ждем паука. Как обычно, попробую встать у него поперек глотки».

Лем снова провалился в полудрему.

Его разбудил скрежет открывающейся решетки. В камеру вошли двое солдат, велели Лему встать. Скрутив руки у него за спиной, они отвели его в комнату для допросов.

За столом сидела молодая, миловидная кореянка в полицейской форме. Девушка была не высокого роста, но довольно спортивного телосложения. Ее ухоженные, черные волосы были аккуратно собраны на затылке. На груди ее кителя висели несколько орденов отличия.

Лема посадили на шаткий табурет напротив нее. Настольная лампа светила ему в лицо.

– Ваше имя и фамилия, – четко задала вопрос девушка.

– Меня зовут Лем, – ответил он коротко.

– Фамилия? – продолжала она сбор информации.

– Я не помню.

– Дата рождения? Адрес проживания?

– Не помню.

– За что задержаны, знаете? – спросила она.

– Нет, – ответил Лем.

– Понимаете, что вас ждет за дачу ложных показаний? – интересовалась девушка.

Лем кивнул. Юная особа продолжила вести допрос:

– Что вы можете рассказать о диверсиях, произошедших на днях.

– Не больше того, что мне поведал староста Ро, – ответил Лем. – Кстати, где он?

– Вопросы здесь задаю я, – осекла она Лема. – В ваших интересах рассказать нам всю правду, которую вы знаете.

– Хотите правду? – напрягся Лем. – Будет вам правда. Судя по выводам, которые пришли мне из общения со старостой Ро, что кто-то в этой деревеньке явно занимался оккультными ритуалами, и призвал что-то страшнее капиталистов. Но в это вы вряд ли поверите.

– Что за глупости, – возмутилась следователь. – Вы меня дуррой пытаетесь выставить?

– На чистоту, – продолжал Лем. – Скажите, имея такую шпионскую базу как у вас, разведка Корейской народной демократической республики до сей поры не пронюхала, что у капиталистов появилось оружие способное превращать коммунистов в пыль? Хер я в это поверю. Вы начали дергать всех подряд, сажать в тюрьмы, пытать и расстреливать деревенских,

потому что у вас опустились руки. И вы до чертиков напуганы. Ну, кроме полковника, он эмоций не испытывает. Так что, уважаемая следователь по особо важным делам Ким, если больше нет вопросов ко мне, вы меня уже или расстреляйте, или верните обратно в камеру.

– Я не говорила вам кто я? – с подозрением сказала следователь.– Откуда у вас такая информация.

– Ну, вы же самый умный курсант в училище,– продолжил гладить тигра против шерсти Лем.– Вы мне и скажите.

– Охрана увести,– скомандовала Ким.

Лема вернули в камеру. Тем временем в комнату для допроса, где сидела следователь, зашел полковник То Ен сон, который поспешил осведомиться о результатах допроса:

– Полковник То, – приветствовала он его

– Следователь Ким, – ответил полковник. – Что рассказал задержанный?

– Полезной информации от сумасшедшего вы не добьетесь, – прокомментировала следователь.– По нему видно, что он не местный, возможно, простой бродяга, явно сумасшедший.

– С чего вы взяли? – спросил То.

– Он нёс,– продолжала Ким. – Какую-то не связанную чушь про колдовство. Не помнил своего полного имени, даты и места рождения.

– Скорее всего, он просто попытался вас обмануть, следователь Ким, – говорил офицер.– Думаю, стоит мне провести с ним беседу. И тогда он скажет всю правду.

– При всем уважении, полковник,– ошетибилась Ким. – Я знаю структуру допроса и правила его проведения. Для получения объективной информации, пытки не нужны. Благодаря вашему методу дознания, мы уже лишились нескольких свидетелей.

– Вы – женщина, – продолжил полковник.– Вам свойственна мягкость в общении с подозреваемыми. Я же считаю, что объективную информацию можно получить исключительно при более жестком подходе. Поверьте на слово, мне это диктует мой жизненный опыт и военный стаж.

– И всё равно,– продолжила Ким.– Я прошу вас товарищ полковник, не проводить допросов без моего присутствия. Это может навредить следствию.

– Я постараюсь удовлетворить вашу просьбу, следователь, – ответил офицер.– Но если это не будет угрожать национальной безопасности.

–Благодарю, вас,– закончила Ким.– А теперь с вашего позволения, я должна допросить еще одного подозреваемого и составить протоколы допроса.

– Не смею вам мешать,– отрапортовал То.

Охрана вернула Лема в изолятор.

Настала очередь Пак Хволь вона, который с энтузиазмом выдвинулся вперед, тут же был подхвачен под белые ручки юными вертухаями и доставлен в кабинет допроса. Спустя тридцать минут, Пак вернулся в камеру. Комсомолец сел на нары напротив Лема, поглядывая на него с ехидной ухмылкой. Не выдержав паузы, он начал толкать свою речь:

– Ну, все, сучий потрах,– шипел он.– Я все им рассказал, жди, скоро за тобой придут.

– Может быть, – ответил Лем.– Но что будет, если они раньше придут за тобой? С чего ты так уверен, что тоже избежишь расправы?

– А с того,– говорил Пак.– Что я все поведал следователю, про тебя, твой сговор с предателем Ро Ен хаком. Как ты его успокаивал.

– Молодец,– саркастично ответил Лем.– Теперь тебя точно ждет медаль, в грудь из свинца. Поверь, юродивый, я знаю, как работают гибисты. Мы все пойдем на эшафот, и ты в первую очередь. А еще хуже, я знаю таких, как полковник То. Этот вряд ли отдаст свою игрушку, пока не отломает ей голову. Так что Пак, ты так же обречен, как и я. Вот увидишь.

Этими словами Лем закончил беседу с ненавистным ему существом и отвернулся к стенке в ожидании дальнейших событий. Так как картина происходящего впоследствии начала вырисовываться в его голове. Он уже знал, что его ждет сегодня вечером.

3.

Интерес полковника То Ен сона, касаемо Лема, подогрел ранее проведенный следователем Ким допрос. Он считал, что это было больше похоже на легкое интервью, нежели на настоящий допрос. Полковник жаждал самостоятельно, с использованием его любимых методов, вывести шпиона и диверсанта на чистую воду, судить, вынести приговор и исполнить его, надлежащим образом.

Спустя время, когда следователь удалилась по своим делам, полковник приказал привести Лема в комнату допроса. Все тот же стол, табурет без спинки, и проклятая яркая лампа, которая словно свет в конце туннеля, обжигала сетчатку глаз до фантомных бликов.

Бродягу завели, усадили на этот стул, который уже сам по сути своей являлся орудием пытки.

Полковник сидел, молча, сканируя его своим холодным, раскосым взглядом. Выдержав паузу, он приступил к допросу.

– Имя, фамилия, звание? – приказным тоном, спросил полковник.

– Лем неизвестный, – ерничал он. – Генерал-адмирал специального взвода по борьбе с тараканами!

После этих слов, полковник кивнул стоящему справа от Лема солдату, и вертухай ударил его дубинкой в область солнечного сплетения. Лем закашлялся от возникшей одышки.

– Теперь ты готов к серьезному разговору? – продолжил экзекутор.

– Так точно, – выдавил из себя Лем.

– Скажи-ка мне, генерал-адмирал, – продолжил То. – О чем вы сговаривались со старостой Ро Ен хаком?

– Мы обсуждали планируемый рекордный урожай хлопка и хурмы в этом году, – ответил бродяга.

Полковник оттянул уголок рта в саркастической ухмылке, и снова взглянул на охранника. Очередная оплеуха не заставила себя долго ждать. Лем согнулся, скорчившись от боли. Губы полковника из простой ухмылки растянулись в улыбку наслаждения.

Лем отдышался, посмотрел на полковника и тоже улыбнулся.

– Я расскажу тебе полковник, – проскрипел Лем. – Я все тебе расскажу.

– Прекрасно, – прошипел То Ен сон. – Продолжай.

– У вас тут, – откашливаясь, говорил Лем. – Завелось страшное чудовище. Тварь которая питается страданием других, я бы даже сказал не питается, а наслаждается страданиями и страхами бедных людей. И орудовать эта тварь стала задолго, до того как начались эти ужасные вещи. А знаешь, как называется та страшная тварь?

– Просвети меня, – поинтересовался полковник.

– Эту тварь зовут Полковник То Ен сон, – говорил Лем. – Скажи, ты в детстве шторы не поджигал? Может мухам крылья отрывал или в постель мочился? Тварь!

Полковник То Ен сон разразился гомерическим хохотом. По инерции охранник начал смеяться за ним. Его гогот продолжался около трех минут. Потом он перешел на хрип, и тогда военный успокоился, стукнул по столу. Смех солдата резко оборвался.

– Думаю с этим я уже закончил, – сказал То Ен сон.

Это был своего рода приказ для вертухая, который тут же выбил табурет из-под Лема, и уложил его на пол. Полковник снял китель и аккуратно повесил его на спинку своего стула, медленно расстегнул пуговицы на рубашке, снял, ровно сложил и положил на тот же стул.

Подойдя к Лему, полковник начал монолог:

– Знаешь, бродяга, – смаковал он каждое слово. – Сейчас ты лежишь ровно там, где лежал твой приятель Ро Ен хак. Чувствуешь запах? Это его кровь и испражнения. Пока я его бил,

он визжал как свинья, именно так я поступаю с предателями и капиталистическими диверсантами. Сегодня я, то же самое сделаю и с тобой. А завтра я соберу отряд из десяти человек, найду фанзу Ро Ен хака, и прикажу солдатам изнасиловать и убить его жену, на глазах его детей. А детей его отправим в трудовой лагерь, а дом его больной матери, я сожгу вместе с ней.

Не успел полковник закончить свой диалог, как он почувствовал что-то не ладное. Волосы на его голове и руках встали дыбом, бумажные листы, лежавшие на столе, стали загибаться, проклятая лампа на столе стала гореть еще ярче, пока не лопнула. Лем, смекнув, в чем дело, приготовился к следующему шагу.

«Джааа! Ииин!» раздался гулкий металлический крик где-то над крышей здания.

Звук распространился резонансом по всей округе. Лем понял пора действовать. Подобно Брюсу Ли, в два прыжка запрыгнул на деревянный стол, открыв рот.

Раздался страшный взрыв.

В потолке зияла огромная дыра, в которую можно было разглядеть чистое ночное небо, яркое от звезд. В небе завис, на высоте около пятнадцати метров, черный человеческий силуэт. Глаза и рот этого существа светились белым огнем, вокруг его тела то и дело пробегали мелкие электрические дуговые разряды.

Удар молнии погас ровно там, где находился охранник, вместо которого осталась лишь обугленная тушка, застывшая в одном положении.

Оглушенный и ослепленный полковник заметался по комнате в поисках выхода. Лем кошкой прыгнул к двери, оттолкнув его.

На военной заставе творился настоящий ужас: везде раздавались взрывы, горели бараки и пристройки, солдаты в ужасе бегали по территории в попытках отстреливаться от кошмара, что их преследовал. Существо, произнося одни и те же сочетания звуков, циркулировало в воздухе, словно в поисках чего-то, что сможет унять его боль. В воздухе струились электрические разряды. То и дело возникали направленные высоковольтные дуги, которые превращали тела одних солдат в прах, других в обугленные, дымящиеся скелеты.

Выбравшись из барака, где велся допрос, Лем оценил окружающую ситуацию. «Куй железо...» – вспомнились слова одного его приятеля.

На заставе было действительно сейчас очень не безопасно. Необходимо было придумать ходы к отступлению: лезть через бетонный забор с колючей проволокой, да еще и со связанными руками, было той еще авантюрой, но вот снесенные с петель металлические ворота пограничной заставы были шансом на спасение. Осталось продумать каким образом до них добраться, ведь оставался риск быть либо застреленным, либо запеченным до золотистой корочки. «Думай, Лем, думай!» – бубнил он себе под нос: «ведь должен быть выход».

У еще не взорванного гаража стоял армейский внедорожник советского производства с открытым верхом и пулеметом.

Мал был шанс того, что Лем успеет на него запрыгнуть. Еще меньше вероятность того, что он сможет его завести, а рыскать ключи зажигания в творящемся хаосе, было тем еще увеселительным занятием. Но это был лучший вариант. Даже если внедорожник не удастся завести, он все равно станет временным укрытием, ведь расстояние от гаража до ворот было минимальным. Осталось преодолеть больший путь. От исходного места до гаража было еще три барака. Лем принял решение двигаться скрытно между зданиями, прячась за ящики и бочки.

Первые два препятствия он миновал без особых происшествий, но прячась за третьим бараком, возникла проблема. Как только он высунулся из-за угла, в затылок ему уперлось дуло. «Ни с места!» командовал женский голос. Лем медленно встал и повернулся. Перед ним стояла следователь Ким.

Она целилась в него из табельного пистолета.

Лем стал медленно поднимать связанные руки, пятясь назад.

Лем попытался завести разговор, дабы заговорить ей зубы:

– Следователь, здесь не безопасно,– говорил Лем.– Нам нужно уходить.

– Стой, молча, повернись и медленно шагай,– приказала она.

Но не успели они выйти из-за барака, как рядом со следователем ударил шальной дуговой разряд.

Лем с криком: «вспышка справа» упал на землю лицом вниз.

Её отбросило в сторону метра на три. Лем подскочил к ней, чтобы убедиться, жива она или нет. Ким дышала, но была без сознания. Рядом лежал «Макаров». Он поднял его и положил в карман своего пальто.

Лем понимал, что если он оставит ее лежать здесь без сознания, в конечном счете, ей грозит гибель. Благо девушка была небольшого роста и веса, он смог ее поднять и взвалить на плечо. Ничего не оставалось, как бежать напролом к гаражу.

Чудом, избегая вспышек и пуль, он добрался до внедорожника, свалил Ким на заднее сиденье и начал осматривать замок зажигания. Ключей в зажигании не оказалось, но был штык-нож в бардачке.

Лем сколол рулевой кожух ножом, вырвал какие-то провода, которые вели к стартеру, и начал чиркать их друг об друга, приговаривая: «хоть бы получилось, хоть бы, хоть бы».

Издав несколько рыков, стартер все – таки отреагировал на его молитвы и ритуалы.

Внедорожник завелся, Лем вскочил в сиденье водителя, пристегнулся ремнем безопасности, отпустил стояночный тормоз, включил фары и дал по газам. Воронок с ревом помчал их из этого пылающего, электрического, психоделического ада.

4.

Лем ехал в сторону поселка, ему казалось, что в данный момент это самое безопасное место, так как солдатня мобилизуется на устранение последствий нападения и оттянет всех патрульных из деревни.

У него будет ровно сутки, чтобы собрать хоть какие-то данные о происходящем. Нужно было найти самых старых сплетников в той деревни. И тут он склеил картину воедино. Он знал, куда направиться в этом селении. К матушке бедного старосты Ро Ен хака.

Оставался лишь один не решенный вопрос: «что делать со следователем по особо важным делам комитета государственной безопасности?»

Не доезжая деревни, он свернул в пролесок, заглушил мотор и выключил фары. С помощью ножа, Лем освободил руки. Далее он связал руки Ким. Достав кусок ветоши из бардачка, он сделал кляп, чтобы заглушить вопли, приходящей в себя кэгэбэшницы.

Спустя полчаса, Ким начала приходить в сознание. Лем, повернулся с переднего сиденья, наставив на нее «Макаров»

– С возвращением в мир живых, товарищ, – поприветствовал ее Лем. – Я понимаю, вы напуганы, у вас много вопросов ко мне, но прежде чем я вытащу кляп, развяжу вам руки и верну ваш табельник, прошу меня выслушать, и если мои слова вас не убедят, можете вернуть меня к полковнику То. Но если, моя речь вызовет отклик в вашем разуме, если у вас возникнут, хоть малейшие сомнения, что я не сумасшедший или шпион капиталистов, то попрошу вас о помощи. Потому что на кону жизни невинных людей.

Ким кивнула. Лем продолжил свой рассказ:

– Сразу скажу, – начал он. – То, что я хорошо говорю на вашем языке, не говорит, что я кореец. Просто я могу разговаривать на всех языках свободно, хоть специально их не изучал. Я не знаю не своего имени, не происхождения, полковник То правильно меня назвал «бродяга». Но я скорее что-то вроде пришельца. Как я путешествую, я не знаю, этот факт в моем разуме не отражается никаким образом. Но каждый раз я попадаю в историю связанную с чем-то страшным и необъяснимым. То, что происходило в лагере и есть страшное и необъяснимое. Судя по всему, насколько я вообще могу предполагать, существо, что парило в небе над гарнизоном, называется «вонгё». Это мстительный дух, и его визит на заставу, говорит только об одном: у него явно есть претензии к руководству части и не только. Видимо некоторые поселковые жители, тоже попали в немилость древнего духа. Но просто так они не появляются, существа рукотворной природы. Их призывают, и в древности в Корее их могли призывать только слепые шаманы Пансу. Но зная политику партии Корейской народной демократической республики, любого, кого обвинят в занятиях такими практиками, ждет либо расстрел, либо трудовой лагерь. Поэтому я должен разобраться в происходящем, чтобы узнать, откуда взялся вонгё, чем он движим, и самое главное, где алтарь его призыва? Так как есть только два способа от него избавиться: первое разрушить алтарь, а второе удовлетворить его потребность, которая, скорее всего, заключается в мести. А теперь, Ким Ок Суни, я уберу кляп и мы с вами поговорим.

Лем вытащил кляп. Следователь брезгливо отплевалась:

– Ты вообще в курсе? – возмутилась Ким. – Что они этой ветошью солидол вытирали с рук.

– Не было времени разбираться, – ответил Лем. – Но я прошу прощения.

Ким подняла связанные руки с намеком «освободи меня». Лем разрезал веревку и отдал ей пистолет, который она тут же убрала в кобуру.

– То, что ты мне рассказал, – рассуждала она. – Звучит как сказки, которая бабушка рассказывала мне на ночь: про страшных ведьм, колдунов и чудовищ. Но то, что я увидела, ... Короче говоря, я больше верю твоим словам, чем в то, что я увидела. В школе милиции меня

учили сомневаться во всем. И я сомневаюсь. Но, долг обязывает, провести расследование, и ты пойдешь со мной, пока что как задержанный. Ты мне поможешь с расследованием?

– Так точно, товарищ следователь! – отчеканил Лем.

Ким покачала головой, и продолжила разговор:

– С чего ты предлагаешь начать? – спросила она.

– Я думаю, нам нужны самые старые и самые разговорчивые жители села, – рассуждал он. – Интуиция мне подсказывает, что нужно заглянуть к матери старосты Ро Ен хака. Узнаем у местных, где она живет, и наведаемся к старушке. Послушаем, что она расскажет.

– А дальше? – интересовалась Ким.

– А дальше, – отвечал Лем. – Мы найдем алтарь и разрушим его, а потом, когда эта тварь утомится, отведишь меня обратно к полковнику, и он завершит, что не успел закончить из-за нападения вонгё.

Ким одобритительно кивнула.

Пара направилась в сторону виднеющегося в двухстах метрах поселения. Деревушка представляла собой панораму многочисленных, неравномерно разбросанных по округе продолговатых этнических фанз, на фоне одинокой зеленой горы. Поселение окружали гектары хлопковых полей и садов с насаждениями низкорослых деревьев хурмы. По округе бегали тощие облезлые дворняги. «Видимо проворные твари, если до сих пор не попали в кэнджангук или на вертел», – подумал Лем.

Дорога, что вела к деревне, была прямой, широкой, но неровной. Посередине росла разделительная колея из пыльного дерна. Видимо она предназначалась для гужевых повозок, которые в страду вывозили урожай к месту хранения. По бокам дороги, каждые пятьдесят метров стояли деревянные опоры электропередачи, идущие к деревушке.

Утро уже давно наступило, и местные вяло ползли на поля, с опаской оглядываясь, на движущуюся в сторону деревни, пару из непонятного человека в пальто и девушки – сотрудника милиции. Некоторые даже останавливались, застыв в поклоне, до того момента, пока пара не скрывалась из их поля зрения.

Войдя в селение, Лем огляделся в поисках живых людей. Он заметил старушку, что мирно копалась в своем маленьком огороде. Старушка была в калошах на босую ногу, шароварах, серой вязаной кофте, фартуке. Голову ее покрывала косынка. Бабушка была настолько увлечена прополкой сорняков, своими маленькими одноручными граблями, сто не заметила, как двое подошли к ней.

– Онеонгхасея, хальмуни! – поприветствовал старушку Лем.

– Айгу! – с испуга запричитала бабка. – Напугал, муль кищин! Что тебе надо говори?

– Скажите мне, пожалуйста, уважаемая хальмуни, – расшаркивался Лем. – Где мне найти дом матушки старосты Ро?

– И что тебе, кищин проклятый? – переспросила она. – От матушки старосты понадобилось?

Следователь Ким вступила в беседу, не выдержав наглости старой крестьянки. Она достала из внутреннего кармана кителя красное удостоверение, и сунул ей под нос.

– Комитет госбезопасности, – чеканила Ким. – Следователь по особо важным делам старший лейтенант Ким Ок суни. Мы хотим задать вам пару вопросов.

– Айгу! – с испуга закудаhtала старуха. – КГБ за бедной Ро Ми дя!

– Успокойтесь, хальмуни, – вступился Лем. – Бедной Ро Ми дя ничего не угрожает. Мы просто поговорим с ней и уйдем.

– Ладно, – смирилась старушка. – Я – Ро Ми дя, что надо? Ваши и так три дня назад сына моего уволокли, ни слуху от него, ни духу. Бедная Ханьль, все глаза выплакала. Теперь вот и за мной пришли.

– Не переживайте, уважаемая хальмуни, – продолжал бродяга.– Я обещаю, что вам и Ханьль, ничего не грозит. Но есть одна проблема, которая угрожает всей деревне.

– Единственная проблема, которая угрожает всей деревне,– накалилась старуха.– Этот людоед – полковник То Ен сон.

– А не громкое ли это заявление? – подхватила допрос Ким.– Обвинять офицера армии КНДР.

– Да мне все равно уже, милая!– парировала старушка.– Не этот полковник, так ревматизм меня убьет. А вы сюда не просто поговорить пришли. Так вот если бы не этот полковник То и его головорезы, ничего и не было такого.

–То есть, вы считаете?– продолжил Лем.– Сам полковник виноват в происходящих кошмарах?

– Он,– отрезала Ми дя.

– И летает по ночам, – подводил итог Лем.– Зовет некую «Джа ин», мечет молнии, тоже полковник То?

– Айгу!– опять затряслась старая Ро.– Что ты такое говоришь? Тьфу, на тебя, муть кищин!

– Кто такая Джа ин?– давил Лем.

– Я не знаю,– уходила в блок Ро Ми дя.

– А мне кажется,– начал блефовать Лем.– Нужно послать солдат к Ханьль, может они узнают у нее кто такая эта Джа ин.

– Айгу! Не надо к Ханьль!– испугалась старушка. – Я все расскажу. Не скажет ничего Ханьль. Я знаю. Все знаю. Да вся деревня знает, но все молчат. Бояться солдат и полковника, этого изувера.

Лем с ухмылкой переглянулся с Ким, будто показывая молодой стажерке как на самом деле надо вести допросы.

Старушка начала рассказ:

– Была у нас в деревне такая семья Ю,– начала Ро Ми дя.– Очень уважаемая и древняя семья, считай, существую со дня основания префектуры, а то и Кореи в целом. И поговаривали, что далекий предок у них был, слепым шаманом пансу. И будто бы он передал им тайные знания, что помогали им в жизни и быту: урожаи хорошие каждую осень, дети здоровые и умные рождались, свиньи самые жирные в деревне у них были, курей множество. И так было до того момента, пока коммунизм в Корею не пришел. Как узнал наш исполком, что глава семьи Ю Ден дун колдовством занимается, так к нему и нагрянули с проверкой. Но, не солоно хлебавши и уехали. Правда с тех пор дела семьи Ю, стали хуже идти. Скотина дохнет, урожаи гибнут. Но тогда у всех все не слава партии было. В общем, не магией известен корейский народ, а своим трудолюбием. Впряглись тогда все Ю в плуг и поправили свои дела. Даже хватило денег внука своего в училище отправить. На электрика выучился и приехал, вот буквально года три назад. Хороший был парнишка это Ю Ган ко, добрый, отзывчивый, трудолюбивый. И все-то у него ладилось, всей деревне помогал, вещи чинил. А тут года два назад к нам в школу новая учительница приехала по распределению Кан Джа ин. Красавица неземная, умная, начитанная, вот Ю Ган ко к ней и посватался. Любовь у них была с первого взгляда. Свадьбу сыграли, жили с родителями его. Душа в душу.

Ро Ми дя перевела дух и потеряла покрасневшие от наворачнувшихся слез глаза.

–Дальше-то что, хальмуни? – подгонял ее Лем.

–Дальше!– продолжила Ро Ми дя.– Дальше на заставе пограничной начальство поменялось. Старый командир в отставку ушел, а на его место этого полковника То Ен сона прислали. Начал он частенько заезжать к нам в деревню: то к старосте с проверкой какой-нибудь нагрянет. То еще что. А тут как-то он ехал мимо, на ее беду Джа ин с уроков домой шла. Ну, полковник на нее глаз и положил. Подъехал к ней и говорит, негоже такими красивыми ножкам

по такой грязной земле ходить, давай, говорит, подвезу. Джа ин вежливо ему отказала. Он на следующий день то же самое, потом на следующий день. Проходу бедняжке не давал. Та к мужу в слезах, мол, что делать, как быть? Житья проклятый не дает. Ган ко негодовал, потом решил начать жену с работы встречать да провожать. День провожал. Полковник заметил, мимо проехал. Два, три. А на четвертый остановился возле пары вышел из машины, и говорит, что Джа ин задержана, и должна поехать с ним на допрос. Ю Ган ко на защиту встал, мол никуда не поедет. Тут солдатики, которые с полковником были, так его избили, еле выжил, схватили Джа ин и увезли в неизвестном направлении. День нет, два нет. Пропала. Пошел, несчастный Ю Ган ко к заставе. Хотел с полковником поговорить, узнать, где жена его? Так его чуть на месте и не пристрелили. Стал он искать ее. Год искал так и не нашел. Пропала несчастная Джа ин.

Старушка приподняла глаза к небу, задумалась.

– Хальмуни, – вернул ее в мир живых Лем. – Дальше что было с Ю Ган ко? Он где сейчас живет, как с ним поговорить?

– А ни как уже, – продолжила старушка. – Две недели назад в будку трансформаторную молния ударила и по всей деревне свет погас. Ю Ган ко пошел ее чинить и под напряжение попал. Сгорел там заживо.

– А его похоронили? – спросил Лем.

– А вот похоронить его не смогли, – ответила Ро Ми дя. – Будка как с ума сошла, люди к ней подходят, а она молниями бьет. Птица мимо летит, только приблизиться падает замертво. Шестеро электриков ходили проверить, что там. Так там их тела горелые до сей поры лежат. Народ туда боится ходить. Да и не зачем: свет то есть.

– А, Ю Ган ко? – спросил Лем.

– А бедный парень, – выдохнула старушка. – Там до сих пор на коленях и стоит. Словно труп его молиться кому-то.

– Спасибо, уважаемая хальмуни, – благодарил Лем. – Я тебя только об одном попрошу, другие военные придут, будут спрашивать, ничего им не говори. Они шпионы.

– Айгу! – изумилась Ро Ми дя.

– Одну мне вещь скажи, хальмуни, – поинтересовался Лем. – Где эта будка трансформаторная?

– За деревней, в лесу, по столбам иди не потеряешься.

– Гамза, хальмуни! – поблагодарил Лем.

Лем огляделся по сторонам в поисках линии электропередач. Опоры стояли вдоль главной улицы поселка. Ориентируясь по проводам, пара выдвинулась в сторону пролеска, виднеющегося позади деревни.

Некоторое время они шли безмолвно, но в какой-то момент профессиональное любопытство следователя взяло верх.

– С чего ты взял? – спросила она. – Что нам стоит идти именно туда?

– Знаете, товарищ следователь? – отвечал с ухмылкой Лем. – Есть такая фраза «спинным мозгом чувствую».

– Впервые слышу, – изумилась Ким. – Ты ее сам, наверное, придумал.

– И, тем не менее, – продолжил он. – Складывается у меня впечатление, что наш бедный электрик Ю Ган ко, и есть тот вонгё. Трансформаторная будка это алтарь, а его не погребенные останки, это филактерия.

– То есть, ты хочешь сказать, – анализировала Ким. – Если проводить его с почестями, весь этот ужас прекратится?

– И да, и нет, – говорил Лем. – Скорее всего, нужно обрушить алтарь и уничтожить филактерию.

– Звучит так, – с сомнением в голосе говорил Ок суни. – Словно, ты водишь меня за нос. Вся эта дичь, что творилась на заставе, больше похожа на массовое отравление боевым газом Би-Зет. Это могло вызвать и галлюцинации, и массовое помешательство.

– Вот это, – сказал Лем. – И напишите, когда будете подшивать дело.

– Мне нужны доказательства, – одернула его Ким.

– Боюсь, что полной картины, дорогая следователь, – говорил он. – Вы не получите, потому что, ваш дорогой друг Полковник То Ен сон уже давно уничтожил все улики.

– Ты хочешь сказать...

– Я хочу сказать, – перебил ее Лем. – Что твой полковник и есть главный зачинщик всей этой ужасной истории. Куда он дел бедную Джа ин? Да, скорее всего, закопал ее изнасилованный труп на территории базы. Да и не только ее? Куда делся староста Ро и этот негодяй-комсомолец?

– Это довольно серьезные обвинения, – парировала Ким. – Нельзя осуждать офицера, не имея доказательств.

– А осуждать несчастного крестьянина, – возмутился в ответ Лем. – Не имея доказательств, кроме выбитого на допросе признания, можно? А что если выбить признание из твоего полковника? Как бы он заговорил с раскаленной сковородой под мошонкой?

– пытки у нас запрещены! – вскрикнула Ок суни. – Мы цивилизованное общество в отличии от ваших спецслужб. Мы руководствуемся принципами гуманизма и справедливости, как завещает наш великий вождь Ким Ир сен!

– Руки твоего вождя, – действовал ей на нервы Лем. – По локоть в крови твоих же сограждан. Но он по сравнению со своими отпрысками добрый дедушка. Если тебе удастся дожить до времен правления его внука, вот тогда ты поймешь, что такое террор диктатуры. Мой тебе совет следователь: доставай голову из пятой точки, и беги без оглядки в Южную Корею.

– Так поступают предатели, – негодовала Ким. – Я верна идеалам и ценностям моего общества и моего вождя! Великий Ким Ир сен ведет нашу страну в светлое будущее.

– Будущее, где дети будут питаться травой, – саркастично отвечал Лем. – Где людей будут расстреливать за кражу желудей. Где пионеров будут отправлять в трудовые лагеря за чтение запрещенных комиксов. И освещать ваше будущее будет только излучение от ядерных грибов. А знаешь, кто будет виноват в этом? Ты, следователь Ким. Ты и твои сторонники, которые как бурлаки будут тянуть на лямках своего священного почитания, разжиревших божков – людоедов, таких как представители династии Ким. Вот твоя власть народа. Пойми одну вещь, не бывает идеального политического строя, когда в нем участвуют люди.

– За такие слова, – набирала обороты негодования Ким, доставая из кобуры пистолет. – Я, пристрелю тебя на месте.

– Успокойся, Ким, – остановил ее Лем. – Тебе нужны доказательства, я веду тебя к доказательствам. Предлагаю, продолжить дальнейший путь, молча.

Ким кивнула в согласии. Дальше пара продолжила путь без развития дискурса на тему «построения великого утопического общества».

Шли они по дороге, вдоль которой пролегла линия электропередач. Прошли мимо местечкового ухоженного погоста. Белые прямоугольные надгробия, которого, напоминали редко торчащие зубы.

Спустя двадцать минут немого путешествия они дошли до небольшой чащи. Войдя в которую они вскоре нашли нужную им трансформаторную будку. В радиусе трех метров вокруг нее земля была усыпана трупами птиц и диких животных. Ким резко двинулась вперед, но, не успев заступить на периметры, как Лем резким движением откинул ее назад. Из постройки вырвался электрический разряд, который ударил ей под ноги.

– Жива! – беспокоился Лем.

– Все в порядке, – ответила Ким. – Что это было?

– Видимо филактерия,– сказал он.– Защищает алтарь от посягательств. Единственный способ его обезвредить, взорвать. Успеть бы до ночи, иначе вонгё снова выползет наружу и устроит свое шоу фейерверков. Думаю, у полковника То найдется граната на такой случай.

И тут Лем услышал довольно знакомый мужской голос из-за спины.

– Для тебя мерзкий прихвостень капиталистов,– сказал полковник То, целясь в него.– Найдется не только, граната, но и целая обойма патронов. Арестовать их!

5.

Спустя два часа следователь Ким и Лем сидели в кабинете допроса на заставе. В потолке кабинета зияла дыра от взрыва, наспех забитая досками. На полу не отмытая копоть от бедного, сгоревшего на работе, вертухая.

– Полковник, – с насмешкой сказал Лем. – Давно не виделись, как ты умудрился выжить, спрятался в септике, как мерзкая трусливая крыса?

– Думаешь меня, – говорил То. – Может взять голыми руками, какой-то неумелый диверсант?

– А ты думаешь, – перебил его Лем. – Что это диверсант? Я не могу понять ты действительно такой дурак или просто упрямый?

– Как ты смеешь, – злился полковник. – Открывать свой поганый рот, без моего разрешения?

– Смею, То Ен сон, – дерзил Лем. – Еще как смею. Потому что знаю, что тебя ждет. Не хочешь поделиться историей твоей любви с замужней женщиной. Как ее там звали? А Да, Ю Джа ин! Знаешь такую?

Полковник злобно улыбнулся.

– Припоминаю, – с довольной рожей выдавил он.

– Не хочешь рассказать следователю, – продолжал Лем. – Что ты с ней сделал? Как ты и твои подчиненные долгое время ее мучили, насиловали, избивали, жгли ей губы паяльной лампой, когда она просила воды? Не хочешь рассказать, как лично, расчленил ее тело пилой, а потом закапывал останки на территории части? Хотя мог бы сбросить ее как всех, замученных тобой несчастных, в одну яму в лесу неподалеку?

– Тебе вряд ли кто поверит, – отвечал с самодовольной ухмылкой полковник. – Вы со мной согласны, следователь Ким?

Следователь смотрела на То Ен сона исподлобья. Ее глаза были полны ненависти и призрачного зренья к этому психопату.

Лем обратился к Ок суни.

– Знаешь, что самое страшное в этой ситуации? – продолжал Лем. – Джа ин была беременна. Понимаешь Ким? Эти аспиды загубили две невинные души. И теперь за ними пришла расплата.

«Джаааа!!!Иииин!!!» тот же знакомый крик раздался снаружи. Солдат, который был в тот момент в комнате допроса, бросился наутек. Оставив беззащитного полковника в комнате с Лемом и Ким.

Лем резко подпрыгнул с табуретки и ударил полковника коленом в живот, и когда тот согнулся от боли, резко оглушил его ударом связанных рук по затылку. Сначала он освободил руки Ким, потом она освободила его.

– Что теперь делать? – спросила Ким.

– Есть одна идея, – сказал Лем, взваливая на плечи бессознательное тело полковника.

В этот раз выстрелов слышно не было. Солдаты просто пытались спастись бегством, бросая оружие и боевые посты. Они пытались найти укрытие, но все было тщетно. Вонгё не жалел никого.

Троица выбежала из барака на улицу. Лем бросился в сторону вонгё с полковником на плечах.

– Что ты творишь! – кричала в след Ким.

– Верь мне, – ответил он. – Я знаю что делаю!

Подбежав на максимально возможное расстояние к существу, Лем скинул с себя полковника и поставил его на колени.

- Ю Ган ко!– закричал Лем.– Вот тот человек, который забрал твою Джа ин!
- Джааааа! Иииин!– рычало чудовище.
- Забери его! А остальных оставь,– кричал бродяга.– Они тут не причем.

Вонге развел руки в стороны. Каждый электрон, находящийся в тот момент в воздухе, каждая молния или дуговой разряд стали возвращаться в него. Он словно накапливал энергию для последнего удара. Свет в его глазах стал невыносимо ярким. Он опустился на землю. Полковник уже успел прийти в себя, и стоя на коленях. Парализованный от страха. Тварь приблизилась к нему и положила руку ему на голову. Вонге произнес те же слова «Джа! Ин», которые в этот раз не были полны злобы и ненависти. Они были полны скорби от потери любимого человека. Его обугленное тело начали покрывать трещины, из которых стали вырываться яркие столпы белого света.

Лем кинулся в сторону Ким. Добежав до нее, с криком «вспышка справа!», повалил на землю, прикрыв глаза своим пальто. Раздался взрыв. Вспышка озарила ночь.

Как только все утихло, они поднялись с земли. Панорама привела следователя в исступление. Посреди заставы стоял прозрачный силуэт молодого красивого мужчины в белых одеждах. Он медленно двигался в их сторону.

Лем двинулся в его сторону. Призрак произнес, как бы спрашивая у него:

– Джа ин?

– Она похоронена где-то здесь, – сказал Лем.– Мне ее найти?

Призрак отрицательно покачал головой и показал рукой ему за спину.

Лем повернулся. Он увидел такой же призрак, но на этот раз это была молодая девушка в таких же белых одеждах как и Ю Ган ко. На руках она держала младенца. Дух Ю Ган ко наконец нашел свою Джа ин. Он подошел к ней и обнял и малыша. А потом они просто исчезли. Растворились в лучах света, сошедшего с небес

– Они теперь свободны,– сказал Лем.

– Они обретут покой? – спросила Ким.

– Думаю да, – ответил он.

– Ты сомневаешься?

– Один следователь комитета госбезопасности корейской народной демократической республики научила сомневаться, – усмехнулся Лем.– Что будешь писать в деле?

– Напишу, что полковник и его солдаты были завербованы капиталистами и планировали теракты и покушение на великого вождя,– усмехнулась в ответ Ким. – Но погибли во время подготовки, подорвавшись на собственных бомбах.

– Будет ведь расследование,– беспокоился Лем. – КГБ пришлет других следователей?

– Я думаю, они закроют это дело без шума и пыли,– успокаивала его Ким.– Я им в этом помогу. Другой вопрос, что мне с тобой делать?

– Можешь арестовать.

– Я думаю, про тебя мы забудем,– сказала Ким.– Ты видел, кстати, огромную реку недалеко от деревни? Советую тебе на нее посмотреть, может даже переплыть.

– Я как раз планировал искупаться, – отшучивался Лем. – Спасибо тебе следователь Ким.

– И тебе спасибо, бродяга.

Лем встал и пошел в сторону выход с заставы.

– Эй, Лем!– окрикнула его Ок суни.– Скажи, а куда они попадут?

– Кто?

– Ган ко и Джа ин!

Он пожал плечами.

Музыка грибов.

1.

«Угроздило же меня! – кряхтел Лем, пробираясь сквозь густую, едкую жижу болота. – Не хватало мне еще ползать на брюхе по торфяникам Калимантана. За какие грехи мне все это? Что я такого натворил, что меня мотает нелегкая, по топям и лесам? Да и вообще, где на планете Земля такие болота есть? Я уже час по нему пробираюсь, конца и края не видно».

Лем прорывался по неизвестной топи, в которой очнулся. Его окружала бескрайняя булькающая слизистая масса, с торчащими из нее неизвестной породы деревцами, густо поросшими мхом и опутанными лианами. На редко встречающихся полянках росли причудливой формы грибы с длинными ножками и круглыми шляпками, которые сочлились едва заметной пурпурной опалесценцией.

Стоило же Лему приблизиться к этой кочке, чтобы взобраться на нее и перевести дух, как грибная поросль начинала гулко вибрировать, усиливая свое свечение и выбрасывая красное облако спор, которое тут же вызывало одышку и сухой кашель.

«Да что ты! – прокашлявшись, вступил в диалог с грибами Лем.– Какая грозная полянка, хотя если бы я воевал с болотом за каждый клочок земли, вел бы себя также».

Когда он отошел, грибки перестали сиять и пульсировать.

Духота от болотных испарений стояла невыносимая, поэтому Лему пришлось снять пальто и свитер, и тащить их в руках. В его голове уже не раз мелькала мысль бросить вещи к чертям, но вспоминая, сколько они пережили вместе приключений, он сдерживал свои порывы.

Главной же проблемой было то, что он в любой момент может оказаться в районе приравненному к крайнему северу, в поисках загадочного шурале или еще какого-нибудь лешего. Было бы крайней степени неосмотрительностью и даже глупостью с его стороны, поэтому ничего не оставалось делать, как тащить свой хабар под мышкой.

Время на болоте, словно не двигалось, так как точно оценить его не представлялось возможным. Солнце либо уже закатилось за горизонт, либо еще не как не может проснуться, словно переводя свой будильник на десять минут вперед, каждый раз как он звонит.

Лему ничего не оставалось, как брести вперед широкими шагами, то и дело, вытаскивая свои увязшие в трясине ноги. Обувь и штаны уже давно впитали влагу торфяника. Пот с его лба стекал крупными каплями, попадая в глаза и вызывая сильное жжение.

«Бороться! Не сдаваться!» – бубнил Лем себе под нос.– Должен же быть островок безопасности в этой топи. Главное, не встретить какого-нибудь каймана или удава. Если они конечно здесь водятся. Главное узнать, что это за «здесь»? Деревья и грибы тут очень странные, я раньше точно такие не видел. Мошкары я тоже пока не встретил (что конечно не может не радовать), да и прочей назойливой фауны здесь тоже нет. Да и тех, кому они насаждают, тоже не встретил: ни птиц, ни животных. Странное место, только мхи, папоротники, лишайники и грибы. Проверять их на съедобность, у меня желания тоже никакого нет. Буду пока двигаться в одну сторону, может, что и найду».

Махнув еще около двух километров, бедный Лем остановился у деревца перевести дух. Поодаль он заметил одиноко торчащие из болота старые руины.

Собрав всю волю в кулак, герой добрался до этих руин и забрался на них. Упав на спину, он долго пытался восстановить дыхание.

«Вот он, этот проклятый островок безопасности, – думал он.– Где же ты, падла, раньше был? Сейчас приду в себя и начну археологические изыскания. Глядишь, чего и накопаю. Жрать охота, аж спасу нет».

Руины представляли собой две каменные плиты, расположенные друг над другом. Лем лежал на нижней плите, приходя в себя. На уровень второй плиты вела обрушившаяся лестница. Развалины были выстроены, небольшими, серыми камнями, обтесанными под кирпич. Видимо строение было воздвигнуто еще в незапамятные времена старой цивилизацией, от которой кроме этой постройки ничего не осталось. Письмена и символы на стенах, покрытыми синим мхом, были вычурными и напоминали больше своего рода детский рисунок. Они изображали маленьких, человечков с крупными, круглыми головами, что окружали большой гриб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.